

О РАЗЛИЧИЯХ В СИСТЕМАХ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ДИАЛЕКТАХ ТАТСКОГО ЯЗЫКА

Татский язык известен науке в двух разновидностях, по традиции и условно называемых диалектами: еврейско-татской, имеющей форму литературного языка, и бесписьменной мусульманско-татской (1, 25; 2, 127—147). В литературе издавна отмечен факт наличия значительных различий формального и содержательного характера между этими разновидностями языка на всех уровнях структуры, исключающих полное взаимопонимание между носителями диалектов и обусловленных их принадлежностью к разным этногенетическим группам: носители еврейско-татского диалекта — горские евреи Дагестана, носители мусульманско-татского — этнические таты Азербайджана. Различия между так называемыми диалектами татского языка наблюдаются и в системе атрибутивных словосочетаний.

В строе еврейско-татского диалекта функционирует продуктивная система двух структурно-семантических типов атрибутивных словосочетаний — качественная конструкция с препозитивным определением (типа *рач-е духдер* «красивая девушка», *гъирмизин-е гуьл* «красный цветок») и притяжательная конструкция с постпозитивным определением (типа *хуше-й онгур* «гроздь винограда», *шол эврүшүм-и* «шелковый платок», букв. «платок из шелка»). Эти типы атрибутивных словосочетаний еврейско-татского диалекта соотносительны по форме и содержанию и представляют здесь единую систему выражения самых разнообразных определительных значений со свойственными ей оппозитивными отношениями: в речи регулярно, в случае наличия коммуникативной потребности охарактеризовать предмет со стороны его признаков, формируются определительные именные словосочетания указанных типов по действующим в рамках этой системы закономерностям. Основной закономерностью в этой системе является формально выраженное противопоставление двух содержательных, семантико-реляционных атрибутивных признаков — качественных притяжательным (в широком смысле слова).

Так, выражение различных признаков, объединенных общим значением качественной характеристики предмета, лица, происходит в еврейско-татском диалекте средствами специального каче-

ственного типа словосочетаний, в роли определений в которых используются в основном имена прилагательные (качественные и относительные), имена существительные и причастия, объединяемые общностью семантико-синтаксического значения характеристики качества предмета. Например: *тенге мэхэлегьо* «узкие улицы», *торике асму* «темное небо», *герме рузгьо* «теплые дни», *ленге одоми* «хромой человек», *ковре дерьгьё* «синее море», *куьгьне глэдотгьо* «старинные обычаи», *глэйбкеше куки* «стеснительный парень», *хубе холинче* «хороший ковер», *захмете кор* «трудное дело», *нуьсире онгур* «испорченный виноград», *куьфде гушдгьо* «рубленое мясо», *белсохде пешм* «расчесанная шерсть» и др.

Выражение относительных признаков предмета, лица и принадлежности предмета лицу, объединяемых общим значением релятивной характеристики, происходит здесь средствами другого, специального притяжательного типа словосочетаний, в функции определений в которых употребляются только имена существительные. Например: *салгьой хундеи* «годы учебы», *боггьгьой онгур* «виноградные сады», *хуней бебе* «дом отца», *метлеб деде* «мечта матери», *дувор хуне* «стена дома», *шишей шир* «бутылка молока», *гьоб лугьы* «керамическая посуда», *буллиш пешми* «шерстяное платье», *сениглэт зени* «женская профессия», *мэглини гуфереи* «колыбельная песня», *серстоли китаи* «китайская скатерть», *палтуй поизи* «осеннее пальто» и др.

Каждый структурно-семантический тип атрибутивных словосочетаний имеет определенную форму, организуемую участием различных грамматических средств — синтаксических и морфологических.

Синтаксическими средствами организации атрибутивных словосочетаний являются позиционное примыкание слов-компонентов и определенный, строго фиксированный порядок слов в именной группе. При этом особую грамматическую и функционально-семантическую роль играет словопорядок, т. е. положение определения относительно определяемого существительного, при котором позиция определения является его синтаксическим маркером: в качественной конструкции определение находится в препозиции по отношению к определяемому, в притяжательной — в постпозиции. Например: *ковре дерьгьё* «синее море», *чубкле чумгьо* «маленькие глаза», *герме рузгьо* «теплые дни», *тиже корде* «острый нож», *но килэхь зимисдуи* «зимняя шапка», *совуй глов* «кувшин воды», *бей глэйл* «отец ребенка», *вэльжекгьой алати* «кожаные перчатки».

Морфологическими средствами, которые оформляют атрибутивные отношения между компонентами в рассматриваемых типах словосочетаний, являются формальные показатели определений — коррелятивные, смыслоразличительные суффиксы атрибутивности определений: суффикс качественности *-е* маркирует качественное определение, суффикс притяжательности *-и* — притяжательное определение. Например: *деслов-е одоми* «щедрый человек», *гьирмин-и-е бейдогь* «красное знамя», *хиник-е вэглдогьо* «холодные вре-

мена», но *вишей балуд-и* «дубовый лес», *салгбой г'элл-и* «годы детства», «детские годы», *чушмей васал-и* «весеннее солнце», *ленгеригбой муьс-и* «медные подносы».

В притяжательных словосочетаниях нередко маркируется и определяемое существительное, имеющее финал основы на гласный: к нему присоединяется изафетный показатель *-й*, см., например: *гуьлгьо-й гьеминони* «летние цветы», *хуне-й сангъи* «каменный дом», *хуше-й онгур* «гроздь винограда», *десдечу-й мерди* «мужская трость». Словосочетания этого типа в еврейско-татском диалекте являются специфично иранскими, т. е. общностными, близкими по форме изафетной конструкции, свойственной многим западноиранским языкам — персидскому, таджикскому, курдскому, гилянскому, парачи и некоторым другим (3, 168; 4, 111—112; 5, 293; 6, 339). Однако притяжательные словосочетания изафетного типа в еврейско-татском диалекте несколько отличаются от западноиранского стандарта в содержательном, функциональном и структурном аспектах, что связано с происходящим здесь процессом постепенного исторического разрушения исконно западноиранской формы атрибутивной связи, какой является изафетная связь определения с определяемым существительным. Так, если в других иранских языках изафетная конструкция служит универсальным средством атрибутивной связи, т. е. с ее помощью выражаются качественные, относительные признаки предметов и принадлежность предмета лицу, то в еврейско-татском диалекте функциональная и содержательная сфера притяжательных словосочетаний изафетного типа более ограничена: они используются только для характеристики притяжательности (в широком смысле); выражение качественных признаков предмета происходит средствами специальной качественной конструкции. Структурной особенностью притяжательных словосочетаний обоих диалектов, в отличие от изафетных конструкций других иранских языков, является отпадение, редукция изафетного аффикса в позиции после согласных, а зачастую и после гласных в определяемом слове, т. е. в татском языке наблюдается тенденция к его исчезновению, см., например: евр.-тат. *шев васал* «весенняя ночь», *e десде г'эллгьо* «группа детей», мус.-тат. *duxtā Masi* «дочь Маси», *gādā Nūhi* «сын Нухи»* Структурным отличием притяжательного словосочетания изафетного типа в еврейско-татском диалекте является маркирование определения суффиксом притяжательности *-и*, которое не наблюдается в изафетных конструкциях в мусульманско-татском диалекте и в других иранских языках. Однако в связи с сосуществованием в еврейско-татском диалекте в системе атрибутивных словосочетаний двух типов формальных показателей связи определения с определяемым существительным — реликтового изафетного показателя и

* Языковые примеры из мусульманско-татского диалекта, приводимые здесь и далее для сравнений, почерпнуты из работ А. Л. Грюнберга.

двух инновационных формантов атрибутивности при семантически значимом словопорядке — находится то факультативное положение этих аффиксов, которое здесь наблюдается в настоящее время.

Таким образом, отмеченная в еврейско-татском диалекте содержательная оппозиция качественных признаков притяжательным в системе атрибутивных словосочетаний реализуется в двух формальных оппозициях: порядка слов (препозитивное определение/ постпозитивное определение) и формантов атрибутивности определений (суффикс качества/суффикс притяжательности), что свидетельствует о целостности и завершенности этой своеобразной системы выражения атрибутивных значений, функционирующей в языке.

В мусульманско-татском диалекте функционирует несколько иная микросистема определительных словосочетаний: качественная конструкция с препозицией определения (типа *xub-ä xupä* «хороший дом»), притяжательная конструкция иранского изафетного типа с постпозицией определения (типа *xupe-i ruäg* «дом отца»), которая имеет здесь ограниченное распространение, притяжательная конструкция тюркского изафетного типа с препозицией определения (типа *ruägä xupä-y-i* «дом отца») — наиболее распространенная в этом диалекте.

Несмотря на наличие в мусульманско-татском диалекте тех же двух видов атрибутивных словосочетаний, которые функционируют и в еврейско-татском, — качественной конструкции и притяжательной иранского изафетного типа, наблюдаются немалые различия в значении, структуре и функциях этих типов словосочетаний, а также в составе микросистем атрибутивных конструкций по диалектам, в удельном весе каждого типа словосочетаний в ней и степени его распространенности.

Так, в мусульманско-татском диалекте качественное словосочетание характеризуется следующей структурной и содержательной особенностью: существительное, употребленное в функции определения в такого типа словосочетании, приобретает значение относительного прилагательного, а суффикс атрибутивности *-e* выступает здесь в роли своеобразного словообразовательного средства,

например: $\overset{v}{s\ddot{a}mb\ddot{a}}\text{-y-i } \overset{v}{ru\ddot{z}}$ «субботный день» ($\overset{v}{s\ddot{a}mb\ddot{a}}$ «суббота»),

$\overset{v}{Kun\ddot{s}\ddot{a}y\ddot{i}z}\text{-}\overset{v}{\ddot{a}} \overset{v}{z\ddot{a}n}$ «кюношинская женщина» ($\overset{v}{Kun\ddot{s}\ddot{a}y\ddot{i}z}$ «житель (ница) Кюноши», «человек родом из Кюноши») (7, 38). Подобное использование качественной конструкции в еврейско-татском диалекте невозможно. Для выражения подобных относительных признаков предметов используется другой тип определительных словосочетаний — притяжательный с постпозицией определения, например: *ruz šobot* «субботный день» (*šobot* «суббота»); *žen Dərbend-i* «дербентская женщина» (*Dərbend-i* «житель Дербента», «человек родом из Дербента»). Эти конструкции, как мы знаем, в еврейско-татском диалекте продуктивны и являются более рас-

пространенными, чем подобные же в мусульманско-татском, в результате чего, видимо, для выражения относительных признаков в этом диалекте и используются качественные конструкции с существительными в функции определения, приобретающими в этой позиции признаки относительных прилагательных. И это дает возможность исследователям мусульманско-татского диалекта проводить строгое различие между качественными и притяжательными словосочетаниями по составу, т. е. по категориальной принадлежности компонентов: в качественных словосочетаниях в этом диалекте в функции определения употребляются только прилагательные (производные и непроизводные), в притяжательных — существительные, что служит дополнительным способом выявления и дифференциации в предложении именных частей речи, т. е. одним из критериев для разграничения прилагательных и существительных в мусульманско-татском диалекте (8, 8) В еврейско-татском диалекте конверсии существительного в прилагательное в качественном словосочетании не происходит, а использование существительного в роли определения при выражении квалификативных отношений — акт его вторичной репрезентации, использования во вторичной синтаксической функции. Формальным средством реинтерпретации существительного на синтаксическом уровне в составе качественного словосочетания является суффикс качественности *-e* (в составе притяжательного словосочетания — суффикс притяжательности *-u*). Употребление существительных в функции определения в еврейско-татском диалекте, наряду с относительными прилагательными и причастиями, сохранение ими статуса, признаков определенной части речи свидетельствует о том, что данный диалект проводит обобщение и разграничение семантико-реляционных определительных значений качественности и относительности/притяжательности на чисто синтаксической основе: посредством значимого словопорядка компонентов атрибутивных словосочетаний и при помощи функционально-грамматических аффиксов атрибутивности. Строгое разделение функций между качественными и притяжательными словосочетаниями еврейско-татского диалекта зависит от семантики определения, а не от лексико-грамматических его свойств, как в мусульманско-татском диалекте.

Структура определительных конструкций еврейско-татского диалекта индифферентна по отношению к классной принадлежности слова-определения, т. е. пре- или постпозиция его относительно определяемого не связана с различением классов слов, а формально релевантным для их формы является противопоставление семантико-реляционных атрибутивных признаков, т. е. в этой микросистеме происходит семантизация позиции определения. Так, слова разных частей речи, объединенные общностью качественного значения (прилагательные, существительные, причастия, характеризующие качество предмета), занимают одну и ту же позицию — препозицию, например: *фикирлуье сифет* «задумчивое ли-

по» (*фикирлуь* «задумчивый» — прилагательное), *бэглие ловзьо* «вишневые губы» (*бэгли* «вишня» — существительное), *вачарусде хунегьой* «разрушенные дома» (*вачарусде* «разрушенный» — причастие). И, наоборот, слова одной и той же части речи, выражающие синтаксически и семантически противопоставленные значения (существительные, выражающие качественные признаки предметов, и существительные, характеризующие принадлежность или называющие относительные признаки предметов), занимают разные позиции — препозицию и постпозицию, соответственно, например: *эврьюшьуме муйгьой духдер* «шелковые волосы девушки», но *шол эврьюшьуми* «шелковый платок» (*эврьюшьум* «шелк»); *азаде хьээлгьо* «свободные мысли», но *рузгьо азади* «дни свободы» (*азад* «свобода»); *домбуле чумгьой* «сливовидные глаза», но *мирабо домбули* «сливовое варенье» (*домбул* «слива»).

Качественные словосочетания с препозитивным определением, функционирующие в несколько отличных формах в диалектах татского языка, являются, тем не менее, сближающей их особенностью, отличающей эти диалекты от других близкородственных западноиранских языков, в которых качественное определение следует обычно непосредственно за определяемым в изафетной конструкции, и являются в диалектах татского языка более архаичными, чем притяжательные словосочетания западноиранского изафетного типа. Однако качественные словосочетания подобной татской модели синтаксического построения (с препозицией определения) имеют распространение и в соседних с ним прикаспийских языках — гилянском, мазандеранском, талышском (9, 114; 10, 503, 505), а также в некоторых иранских языках восточной группы — в мунджанском (11, 185), язгулямском (12, 383—384), ишкешимском (13, 507).

Имеются небольшие различия в функционировании и в структуре притяжательной конструкции в диалектах татского языка. Притяжательные словосочетания иранского изафетного типа в мусульманско-татском диалекте, как указывается в работах исследователя этого диалекта А. Л. Грюнберга, имеют ограниченное распространение. Они используются там, где между словами существует органическая связь по значению, и в них не функционирует аффикс притяжательности определения *-и*, как в аналогичных словосочетаниях еврейско-татского диалекта, например: *gerden gov*
 $\begin{matrix} \text{А} & & \text{А} & \text{vА} \end{matrix}$
 «шея быка», *divar xupä* «стена дома», *sulai sican* «нора мыши». Словосочетания этого типа в мусульманско-татском диалекте вытесняются другой, более распространенной и специфичной именно для этого диалекта притяжательной конструкцией тюркского изафетного типа (7, 25—26; 14, 251—252; 9, 113; 8, 8—9; 15, 14—15, 22). Словосочетания этого типа отличаются препозицией притяжательного определения, при этом оно стоит перед определяемым в косвенном падеже (реже в прямом), а определяемое снабжено энклитически употребленным личным местоимением 3 л. ед. или

мн. ч., например: *muällimä riyağ-i* «отец учителя», *riyägä hipä-y-i* «дом отца» (14, 251—252), ср. еврейско-тат. *хуней бебе (-и)* «дом отца».

А. Л. Грюнберг в специальной работе, посвященной вопросам языкового взаимодействия, отмечает, что в результате контактирования носителей мусульманско-татского диалекта — североазербайджанских татов — с носителями азербайджанского языка происходит взаимодействие этих языков, которое сводится к структурному сближению их грамматических систем (15, 15). Он приводит различные факты в подтверждение предположения о тюркском влиянии как причине столь широкого распространения в мусульманско-татском диалекте таких форм: во-первых, отсутствие подобных конструкций в персидском литературном языке, не испытывавшем значительного тюркского влияния, а во-вторых, весьма широкая их распространенность в северотаджикских узбекизированных говорах (15, 15). Эти факты и выводы подтверждаются и материалами еврейско-татского диалекта. Как известно, в этом диалекте, как и в персидском языке, отсутствуют препозитивные притяжательные словосочетания, подобные мусульманско-татским, т. е. еврейско-татский диалект более изолирован и не испытывает столь сильного тюркского влияния как мусульманско-татский. Большую тюркизованность мусульманско-татского диалекта, в отличие от менее тюркизованного еврейско-татского, А. Л. Грюнберг считает основной причиной различий между ними: «мусульманский» диалект в силу исторических причин более тюркизованный нежели «еврейский» (15, 11; 14, 251—252). Этот тип конструкции А. Л. Грюнберг и Л. Х. Давыдова считают относительно поздним новообразованием мусульманско-татского диалекта, возникшим при интенсивном тюркском влиянии, которое стимулировало процесс широкого распространения модели, в исходном материале возникавшей лишь спорадически (14, 252).

Мы считаем, что различия между диалектами не случайны и не единичны, сложились не только в результате взаимодействия мусульманско-татского диалекта с одним из тюркских языков — азербайджанским, а носят системный характер и обусловлены давней изолированностью и самостоятельным развитием еврейско-татского диалекта в соседстве с другим тюркским — кумыкским — в среде дагестанских языков, т. е. в совершенно другом языковом конклаве. Особенности системы атрибутивных словосочетаний в еврейско-татском диалекте могут быть поняты как результат его самостоятельного и изолированного развития не только от юго-западной иранской языковой общности, что неоднократно отмечалось в литературе (15, 22—23; 9; 113; 14, 233—234), но и от мусульманско-татского диалекта. Последнее имеет место в силу территориальной разобщенности носителей этих диалектов, отсутствия их контактирования, что является следствием их отнесенности к разным этногенетическим группам, имеющим каждая не только свой давний географический ареал расселения (для носителей еврейско-татского диалекта — это Дагестан и ряд городов

Северного Кавказа, для носителей мусульманско-татского — это север Азербайджана), но и свои особые исторические судьбы, пути развития материальной и духовной культуры и, следовательно, языка. Объяснение особенностей системы атрибутивных словосочетаний еврейско-татского диалекта надо искать не только в указанном факте его изолированного развития, но и в гетерогенности природы самого этого языка, история которого связана с переходом на татскую речь семитских в прошлом по языку горских евреев — носителей этого языка (1, 82; 16, 51). И этот фактор, по видимому, сыграл определенную роль в развитии некоторых тенденций в грамматической системе еврейско-татского диалекта, что отличает его теперь от мусульманско-татского.

Исходя из сравнительно-сопоставительного анализа материалов еврейско-татского и мусульманско-татского диалектов, можно сказать, что в целом микросистемы атрибутивных словосочетаний в них различны, не конгруентны: различны их составы, удельный вес каждого типа словосочетаний, внутренняя организация, структура и значение однотипных конструкций, а также степень их распространенности в каждом диалекте.

В издавна отмеченных в литературе дифференциях между диалектами татского языка немалую роль играют, таким образом, и различия на уровне синтаксиса атрибутивных словосочетаний, которые оказывают бесспорное влияние на структуру фразы.

1. *Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
2. *Эдельман Д. И.* К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
3. *Расторгуева В. С.* Вопросы общей эволюции морфологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 1. М., 1975.
4. *Ефимов В. А., Расторгуева В. С., Шарова Е. Н.* Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
5. *Керимова А. А.* Лурские и бахтиярские диалекты // Там же
6. *Керимова А. А.* Диалекты Фарса // Там же.
7. *Грюнберг А. Л.* Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.
8. *Грюнберг А. Л.* Определительная конструкция в языке североазербайджанских татов // Научная конференция по иранской филологии: (Тезисы докладов). Л., 1962.
9. *Грюнберг А. Л.* О месте татского среди иранских языков // ВЯ. 1961. № 1.
10. *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Прикаспийские языки: гилянский, мазандеранский // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
11. *Грюнберг А. Л.* Мунджанский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.

12. Эдельман Д. И. Язгулямский язык. // Там же.
13. Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык // Там же.
14. Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
15. Грюнберг А. Л. К вопросу о языковом взаимодействии: (на материале языка североазербайджанских татов) // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 40. Языкознание. М., 1961.
16. Оранский И. М. Введение // Основы иранского языка Древнеиранские языки. М., 1979.